

ВСТРЕЧА, КОТОРОЙ МОГЛО НЕ БЫТЬ

Вспоминая Анатолия Ивановича Чмыхало

Только через страдания и сострадание
можно стать писателем.

А. Чмыхало

С заоблачных седых гольцов, вырываясь и набирая силу, несётся, минуя причудливые скалы и склоны Куйсумских гор, по живописной долине таёжная река Базаиха. Скальные гряды Такмакского и Торгашинского хребтов, словно оберегая, в величии сопровождают горную реку до самого устья. Словно играючи, бурля на перекатах, она закручивает свои воды в спирали над огромными валунами и, стремительно собравшись, бросается с них, разметав серебристо-искровую взвесь над тёмными водоворотами, и, приняв в себя более дюжины горных притоков, стремится свой бег, изящно изгибаясь среди безмолвных берегов, покрытых разнотравьем изумрудной зелени, по скальному ложу в объятия могучего Енисея. А если остановиться на обрывистом берегу и прислушаться, можно услышать, что она полна мелодии жизни, она поёт...

Ранее полноводная, но со временем обмелевшая (сколько же по ней за десятилетия сплавили из тайги леса!) Базаиха успокаивается и, замедлив свой бег, минуя перекаты, усеянные камнями-окатышами, в задумчивости сливается с распротёртым полноводным Енисеем. Уже на исходе, в междуречье, в устье Базаихи, прикрываясь Торгашинским хребтом от Енисея, матушка-природа, словно благословив, создала редкостные места для отдыха и туризма. Трудно подыскать места лучше, чем в уютной долине этой реки. Вот в этом уголке плодородной долины, созданном самой сибирской природой, в один из июльских летних дней, на прогретом солнцем берегу журчащей и обмелевшей реки у подножья покатога хребта, в окрестностях раскинувшегося дачного посёлка, и произошла наша незабываемая встреча с Анатолием Ивановичем Чмыхало.

Уже который раз мой новый знакомый Володя Соколов звонил по телефону и приглашал к себе на дачу, расположенную на берегу небольшой горной речки Базаихи, восторженно расписывая, в каком живописном месте она находится, и как-то загадочно добавлял, что может познакомиться с интересным человеком. В тех местах мне как-то не приходилось бывать, и я принял приглашение. Познакомились мы с Володей зимой, в санатории «Красноярское Загорье». О нём я знал немного: в молодости работал он шофёром в редакции газеты «Красноярский рабочий», основал фирму, занялся предпринимательством, но больших успехов не добился.

Договорившись о встрече со своими друзьями — лётчиком, командиром воздушного судна Ан-26, и военкомом одного из военкоматов Красноярска (оба Валеры), — мы посетили гостеприимного и радушного хозяина. Он ждал нас и очень был рад нашему приезду.

Отдыхая и барахтаясь в воде, мы не заметили, как к нам по тропинке вдоль каменистого пологого берега подошёл довольно мощный, крепко сложенный, с крупной головой, в костюме, здоровяк. На берегу, кроме нас, никого не было, а поодаль через мост проносились легковушки.

— Мужики! — остановившись возле небольшого костерка, окликнул он. — Мне с вами окунуться можно?

— Да о чём разговор? Давай, воды и места хватит...

Быстро разоблачившись, он с каким-то азартом и оханием бросился в воду, взметнув массу брызг. Вода была прохладная и освежала сразу. Веселья в реке и шума добавилось. Речка в этом месте, на кривуне, была неглубокая, так что больше было игры в мяч, смеха и барахтанья. Уже на берегу, поправляя костёр, присев на валежину, принесённую большой водой в весеннее половодье, втянулись в незамысловатый разговор. Подначивая друг друга, подбрасывали друг другу последние новости.

Незнакомец молчал, улыбался, внимательно нас рассматривал. А раз мы были родом из Хакасии, то поневоле вспоминали те места, где жили, учились и не раз бывали. За разговором не забывали подбрасывать дрова в костёр,

который, весело потрескивая, обогревал нас. Уже вечерело, и становилось прохладно. Разговор зашёл о хакасских озёрах: Фыркал, Чёрное, Ошколь, Шира, Белё...

Наш незнакомец заметно оживился и проявил к нашему разговору неподдельный интерес. Расспрашивая и уточняя какие-то важные для него детали, он всех нас незаметно вовлёк в интересный вечер воспоминаний. Закрутились картинки далёких гор Кузнецкого Алатау с его вершинами и Белогорьем, золотых приисков. Потянулись имена и фамилии известных всем нам лиц. Инициативу разговора полностью захватил незнакомец, он освоился и начал с увлечением говорить. Могучий рокочущий голос то возвышался, то сливался с затихающим плеском волн реки, завораживал. Настолько убедительна была его речь, так красочно и сочно он описывал события, что сомневаться в его рассказах было невозможно. Мы уже никуда не спешили, он заворожил нас.

Мудростью, житейским опытом, невероятным внутренним спокойствием, каким-то благородством и доверием веяло от этого человека. Заговорили о книгах, литературе, писателях... Незнакомец с удовольствием откликнулся — чувствовалось, что эта тема ему по душе, — и рассказывал о событиях в «Сказаниях о людях тайги» — трилогии Алексея Черкасова «Хмель», «Конь рыжий», «Чёрный тополь». На эти романы в то время среди населения был небывалый спрос и интерес. Рассказывая об авторе, коснулся и его помощницы-жены Полины Москвитиной. О том, как они жили, как задумали и трудились над этими полными драматизма историческими романами в селе Подсинем, что в Хакасии, под Абаканом. Переметнулся разговор и на других писателей: М. Шолохова, А. Гайдара и, конечно, на автора романа «Половодье» А. Чмыхало. Тем более что я был после недавнего прочтения двухтомника под впечатлением от произведения и, поправляя костёр, с каким-то сожалением произнёс:

— Слышал, что этот писатель живёт в Красноярске, но как его найти? Вот бы познакомиться с ним!

Незнакомец, услышав это, внезапно от души раскатисто рассмеялся, да так, что мы все недоуменно посмотрели на него, на что, смеясь, о, приподнимаясь, произнёс:

— Что ж, давайте знакомиться. Я и есть тот самый писатель. Анатолий Чмыхало.

Наступила неловкая минута молчания, слышно было только потрескивание костра. Все смотрели на него.

— Да, — повторил он, — я перед вами...

Минута неловкости прошла, и мы по очереди взволнованно подали ему для знакомства руки... Рука А. Чмыхало была крепкая, мощная, какая-то трудовая и надёжная. В ней чувствовалась большая сила. Долго мы в этот вечер проговорили, разошлись довольно поздно, где-то за полночь, пообещав в дальнейшем встретаться, И действительно, наша дружба продлилась более двадцати лет. Богатейший опыт жизни позволил ему доходчиво находить ответы на самые «больные», каверзные вопросы, да ещё как отвечать!..

Его ответы находили отклик в моей душе.

Прощались. Анатолий Иванович пошёл по узкой тропинке вдоль каменистого берега к себе на небольшую дачку. Он на лето с семьёй приезжал на берега Базаихи и работал.

Уже позже я был приглашён в этот маленький и уютный дачный домик. Поплутав на машине по узким улочкам, укутанным кустами рябины, облепихи, хмеля и цветов, отыскал этот тупичок. Разъехаться на этих улочках двум машинам было невероятно сложно. На ухоженной дачке всё полыхало цветами. Особо радовали глаз пионы и разные оттенки гладиолусов. Позже узнал, что клубни разных сортов были присланы А. И. Чмыхало в дар цветоводом-любителем из Чувашии — за роман «Половодье».

Гостеприимный хозяин пригласил к реке, на берег. У реки, озорно усмехаясь и лукаво посмеиваясь, Анатолий Иванович произнёс:

— Вода ушла, а жизнь продолжается. Берега-то остались, так что можно посидеть, а если никто не помешает, то подумать... повспоминать.

«Пожалуй, Анатолий Иванович прав, — подумал я, оглядывая окрестность. — Тихий плёс реки, напротив свал Торгашинского хребта и нависшая в округе тишина. Ничто не нарушает этого спокойствия».

Разговор потянулся вокруг событий последних дней, он то ускорялся, то ненадолго замолкал, и мы оба, задумавшись, смотрели на бегущие волны, которые, как бы прислушиваясь, затихали и не бурлили на прибрежных камнях-окатышах, но тут же, враз запев и забурлив, словно не соглашаясь с услышанным, уносились вдаль — за поворот.

Говорили о многом, но в основном нить разговора завязывалась Анатолием Ивановичем. Задумчиво всматриваясь в набегающие волны, он рассказывал о возвращении с фронта и воссоздании Ачинского драматического театра, о сложностях и о своей судьбе актёра, об условиях проживания и быта. О том, как он, несмотря ни на что, в возрасте двадцати одного года успешно сыграл свирепого Малюту Скуратова. Говорил он об отсутствии кадров и подборе актёров. Как это всё решалось и было, несмотря ни на что, в итоге решено. Далее — об Алма-Ате, его работе сначала в театре, а потом собственным корреспондентом «Красноярского рабочего» в Хакасии и выпуске первой своей книги (1951 год) «Земляки».

— Писатель, о чём бы ни писал, пишет о себе, — говорил Анатолий Иванович. — Пропустив всё через себя: боль, страдание — эту способность пережитого в себе, нужно суметь выразить затем всё это на чистом листе бумаги.

Не один раз во время нашего разговора возвращался он к этой теме. Рассказывая о романе «Половодье», уточнил:

— Писать надо было так, как было на самом деле, не фальшивя и не пасуя перед правдой, даже горькой правдой, иначе нельзя, будет исторически неверно. Тогда вообще нечего писать и браться за перо... И не так, как требовала тогда партийная номенклатура. С её требованием мне пришлось столкнуться, не обошло это меня при написании романов «Три весны», и «Отложенный выстрел»...

Он замолчал, а потом стал вспоминать, как собирал исторический материал, как рылся в архивах, днями, месяцами сидел в хранилище библиотеки, искал необходимый материал, уточнял факты и события тех грозных лет.

Улыбаясь, он называл себя писателем-исследователем.

— Погружаясь в старинные документы, я не просто искал, я должен был за что-то зацепиться. Должен был опираться только на правдивый жизненный факт, на достоверный исторический образ. Видимо, моё место между публицистом и беллетристом...

А я подумал: «Вот и ответ на вопрос, почему его исторические романы не казённые, сухие, а живые, полнокровные, наполненные правдой, позитивом, энергией, динамикой жизни. Его книги хочется читать. Сразу, запоем, до конца. Поэтому многие его произведения читателями, сам был не раз очевидцем, дочитывались до дыр».

— Писатель, если он настоящий писатель, не должен никому служить. Писатель начинается с простого, с беседы, — продолжал говорить Анатолий Иванович.

.Наступила ночь, пришло время расставаться. Но эта встреча не была последней. Мы подружились, и я не часто, но бывал у него на даче и дома, на проспекте Мира в Красноярске, где он жил, возвратившись осенью с дачи.

Много, очень много мы переговорили с ним. Я тянулся к нему, он это чувствовал, видел и был всегда нашим встречам, как мне кажется, рад.

Много уже лет пролетело, но не отпускают меня мысли и воспоминания об Анатолии Ивановиче. Вновь и вновь в памяти всплывают его слова о войне: «Было страшно, но Судьба! На войне повезло, остался жив и благодарю того фашиста, который промахнулся. Часто вспоминаю Миус, своих ребят и картину берега и боя, где все полегли...»

Это он мне говорил уже дома, в своём кабинете, за окном которого было видно, как по проспекту Мира мчались автомобили и куда-то спешили люди. Там кипела мирная жизнь...

Глухо, как бы обращаясь к себе, произнёс он, отвернувшись от окна:

— Обид ни на кого не держу, но вместе с тем не могу видеть, как сегодня грабят страну. Как одни стремятся и рвутся в олигархи, другие в депутаты. Но боюсь той эрзац-свободы, которая в настоящее время чумой захватила Россию. Люди кайфуют, считая себя свободными.

Свободными от ответственности, но какой? Это тупик. Это наша гибель...

Много было им сокровенного сказано о Гражданской войне, о том, что в этой проклятой войне не было ни правых, ни виноватых, а все были, по большому счёту, жертвы. Об отступлении Белой армии и инстинкте самопожертвования и самосохранения, ради которых человек идёт на всё. Это Анатолием Ивановичем в романе «Половодье» передано с поразительной и беспощадной точностью.

— Чаще всего люди бегут от смерти, — Анатолий Иванович тяжело вздохнул и, поднявшись с кресла, вновь подошёл к окну.

Вглядываясь в огни светофора, долго молчал. Разговор разволновал его, и было видно, как ему тяжело...

— А знаешь, — продолжил он после, — нынче литературу заполонили и застолбили бездарности, пустышки, бизнесмены. Этих «бумажных мешков» раскручивают, поддерживают, а таланты молчат, — и, словно продолжая

В гостях у писателя А. И. Чмыхало. 27.12.2010

свою мысль и споря мысленно с кем-то, добавил как отрубил: — Так им и надо! Сегодня нужны не виртуальные герои, а реальные люди с конкретными именами, фамилиями и делами. Кто сказал, что писателем быть легко? Писатель должен быть честным не только перед историей, но и перед людьми. А вот покаяние — это другое. Без покаяния жить нельзя! Никак нельзя...

Всё это Анатолий Иванович пропустил через себя и отразил в книге «В царстве свободы», где, не избегая «острых углов», с болью написал о смещении идеалов и обнищании культуры, а в монологе книги «Ночь без сна» как гвоздь в стену вбил, утверждая, что «все беды в России начались с 1917 года»...

Боль по Руси, её истории всегда волновала Анатолия Ивановича. Сколько он про это передумал! В разговорах он, словно что-то уточняя для себя, вновь и вновь возвращался к этому.

— Дело писателя — от Бога, это для меня намного важнее и ответственнее, чем заниматься политикой. Литературу нельзя рассматривать как нечто общее. Её надо анализировать и познавать с учётом времени, в котором создавалось то или иное произведение. Каждая эпоха заставляла опираться литературу на существующую уже историческую концепцию. Так было с Александром Пушкиным в своё время, так было и с его специфическим пониманием пугачёвского бунта. Или концепция Руси Дмитрия Ивановича Иловайского (родного дедушки Марины Цветаевой, историка): по его утверждению, не было Киевской Руси, а были русские племена. Он считал, что между Россией и Украиной больше разницы, чем общего, то есть объединяющих нас начал, несмотря на то, что мы славяне. «Украина, — писал он, — нам чужая, она скорее польская, латинская». Украинцы приняли унию и отреклись от православия. Это уж когда Богдан Хмельницкий пришёл, православие было возвращено и распространилось. Но он пришёл на несколько лет. А когда он умер, то вскоре гетманом стал Выговский, которого сейчас считают основателем украинского государства. Он же пошёл верою за Польшей.

При нём по всем церквам проклинали Богдана Хмельницкого. У истории тропинок множество. Тут каждый писатель вправе выбирать свой путь, докопавшись, обнаружив и изучив найденные архивные исторические документы. Поэтому каждый писатель-историк, создающий романы о прошлом, волей-неволей создаёт, так или иначе, свои легенды. Он, готовя книгу, подгребаёт к себе тот материал, который ему близок. Но нельзя сразу охватить всё. И по всем тропинкам враз нельзя пройти одновременно — жизни не хватит. Да и сил тоже...

Беседа за столом в небольшом кабинете Анатолия Ивановича плавно переходила с одного на другое; на кухне тихо хлопотала хозяйка дома Надежда Юрьевна; на полке шкафа, примостившись, лежал, прикрыв глаза, но чутко поводя ушами, кот Димка. Анатолий Иванович увлечённо, разговарившись, оживившись, рокочущим голосом рассказывал о посылах сверху, о том, с чего начинается творчество. О сюжетах, вновь и вновь утверждая, что они приходят свыше. А писатель должен начинать своё повествование от существования темы и идти далее к сюжету, а не от сюжета к существованию. Он привёл в пример святого Луку — хирурга и архиепископа Войно-Ясенецкого, который чувствовал в своей руке скальпель и глубину точного разреза мышечной ткани.

— Воображение само по себе не рождается, нужны крепкие познания, встречи, наблюдения. Творчество — процесс болезненный. Писатель начинается с откровения, когда всё в нём концентрируется, накапливается в сознании, а потом вдруг приходит озарение и возникают картины, детали, основы образа, тогда только успевай записывать. Но эту малюсенькую детальку к образу ещё надо найти. К примеру, образ хозяина бедного улуса в книге «Дикая кровь» создан был мною одним росчерком пера: «Короткошей, похожий на тощего паука старикашка». Я его просто воссоздал, но как долго, мучаясь, я вынашивал этот образ!

Не обошёл Анатолий Иванович мой вопрос о журналистике:

— Это столкновение человека со временем настоящим. Писатель же волен и может писать во временном режиме,

переносясь иногда на два-три тысячелетия назад, в прошлое, — или в будущее, если он фантаст. А журналист же зажат, он пишет о законах, по которым живёт человек сегодня — день за днём. В основе всего, о чём бы ни писал писатель, — любовь к человеку. Это неприкосновенная, первая заповедь писателя. Пусть там политики делят мир на «ваших» и «наших». Это не дело писателя. Любить человека, чувствовать его боль, быть с ним, жалеть его и наставлять — долг каждого, кто взялся за перо. По-моему, главное, к чему должен стремиться писатель, коль решил писать, — передать состояние души, её движение. Всё остальное — не литература. Вот дед Гузирь из романа «Половодье», вставший на защиту женщины, — это подвиг. Анна Тимирёва, добровольно пошедшая на страдания и отбывавшая ссылку у нас на Севере, в Енисейске, но не предавшая любимого человека, — это подвиг. А по жизни для кого-то из читателей дед Гузирь — всего лишь объект насмешек, а для кого и Анна Тимирёва с её порывами — всего-навсего взбалмошная женщина. А ведь это не так... Каждый видит настолько далеко, насколько позволяет его духовное зрение. Именно они (дед Гузирь и Анна Тимирёва) представляют Россию. Россию, попавшую в бешеный исторический круговорот и до сих пор не выбравшуюся из него. Именно через них, таких вот людей, Россия и спасётся.

Беседа наша продолжалась, а время неумолимо двигалось к полуночи...

— Некоторые вещи действительно умом не постичь, — соглашается Анатолий Иванович. — Всё на земле тленно, кроме правдивого, внушённого нам Господом слова. А хороший писатель способен услышать это слово и передать его. Но прежде — услышать. А вот лирика, основа творчества — это женщина. Я всякий раз в этом искал женщину.

Голос у него потеплел, зажурчал, глаза заискрились, он добродушно улыбнулся.

— И я действительно нашёл её: это образ Клавдии Михайловны — жены Вячеслава Шишкова, а Вячеслав Шишков как писатель от Сибири-матушки неотделим. Вот мне

говорят: писатель волен повернуть сюжет как хочет. Вот это и плохо, когда прозаик идёт к сюжету, а не от сюжета.

Анатолий Иванович — рассказчик от Бога. Его манера и интонация говорить увлекают, притягивают.

Встречаясь с Анатолием Ивановичем, я не переставал удивляться его работоспособности, его жажде творить. А ведь на момент, когда мы с ним познакомились, ему было уже более восьмидесяти лет! Читая его книги, диву даюсь, как он управляет и сдерживает свою энергию. А его неуступчивость? Откуда она? Не удивился я, когда узнал о том, что он с художником Тойво Ряннелем летал на Северный полюс и жалел, что не увидел в иллюминатор бегущего белого медведя и не мог сыграть в футбол на полярной станции. Не удивился, когда мне рассказали, как Анатолий Иванович ходил по кинотеатрам Красноярска и самолично развешивал в холлах портреты писателей с Енисея, повышая таким образом их популярность и престиж.

Это действительно было в характере Анатолия Ивановича. Обладая организаторскими способностями, он, как пропагандист литературы, ежегодно организовывал «Енисейские встречи», собирая выдающихся людей всех республик бывшей большой страны. Он много ездил по стране и оставил память во всех уголках необъятного государства. А его пламенная речь памяти Вячеслава Шишкова, произнесённая им в Колонном зале Дома Союзов! Оратора, когда он закончил говорить, приветствовали стоя. После выхода в свет романа «Отложенный выстрел» цветовод-селекционер из Чувашии в знак благодарности выслал ему посылку с луковицами выведенных им гладиолусов, которым дал имена героев «Отложенного выстрела». Назвал гофрированный, со светлым зевом, розовый гладиолус именем Ивана Соловьёва. Красавицу Таню Пословину отметил двумя сортами — пурпуровым и голубым. Другая героиня романа, Настя, олицетворена розовым цветком с крупными шестью лепестками. Дышакова — гладиолусом грязно-чёрной окраски, а Горохова — красной. Эти гладиолусы, распустившись на даче у Анатолия Ивановича и Валентины Никифоровны — жены писателя; притягивали взгляды

соседей-садоводов. Анатолий Иванович как магнит притягивал к себе писателей, композиторов, общественных деятелей, да и вообще равнодушных людей. Более всего он любил свой край и с упоением рассказывал о Сибири, о Красноярье, о том, чему посвятил свою жизнь. Помнят ли красноярцы, что у истоков создания Литературного музея на улице Ленина и восстановления храма по улице Сурикова стоял А. И. Чмыхало?

Не отпускают меня воспоминания об Анатолии Ивановиче Чмыхало. Я вновь и вновь на том месте, на Базаихе, где мы впервые повстречались с ним.

Да, времени с тех пор прошло немало. А Базаиха бежит, струится, перекачивается, как и в тот день. Правда, к берегам теперь не подойти. Кругом глухие заборы, импозантные дачи. Жизнь стала другой.

Нет, не на все вопросы ответил тогда мне Анатолий Иванович, не на все. Ждали перемен, социальной справедливости, но вопросов сегодня стало ещё больше.

Память об Анатолии Ивановиче жива. Я ничего не забыл... и благодарен дружбе, дороге и реке, где мне встретился на пути такой человек...

Человек с большой буквы.

22 апреля 2022

Об авторе:

Виктор Алексеевич ПЛЕТЮХ родился в 1950 году в посёлке Копьёво Хакасской автономной области Красноярского края, где провёл детство и школьные годы. Окончил Красноярский сельскохозяйственный институт. 45 лет трудового стажа, из них 38 лет руководителем. Ветеран труда. Награждён орденами и медалями общественных организаций. С 2015 года увлёкся писательским трудом: стихи, проза, сказки. Публиковался в альманахах «Новый Енисейский литератор» и «Енисейка». Дипломант конкурсов короткого рассказа за 2020 и 2021 годы.

